

НАШ ГОРОД

Газета муниципального образования «Город Киров»

Из жизни Вятской региональной общественной организации жертв незаконных политических репрессий (ВО ЖНПР) № 7

Растревоженная болью память

9 Мая празднично была оформлена Театральная площадь в честь 66-й годовщины со дня Победы народа СССР над фашистской Германией.

Торжественно прошёл парад воинских частей и кадетов, которые, чеканя шаг, прошли перед ветеранами ВОВ, как бы отдавая почести победителям.

Стройными рядами в течение 3-х часов шли горожане к Вечному огню возложить цветы к памятнику тех, кто в грозные годы защитил отечество.

Нескончаемым потоком шли жители районов города: рабочие крупных предприятий, колонны учебных заведений, политических партий, провозглашая здравицы ветеранам, скандируя патриотические лозунги.

Налева песни военных лет, танцуя под гармошку песню «вальс в мажоре» шла межрегиональная молодёжная общественная организация «Новые люди».

Среди шествующих колонн шла Вятская региональная общественная организация жертв незаконных политических репрессий, возглавляемая Председателем Правления Магдеевым М.Х. Нас не могло быть много, ибо средний возраст членов организации 77 лет.

Мы дети тех, кто безвинно пострадал в 30-50-е годы сталинского террора и небрежно забыты нынешней властью.

Годы репрессий оставили свой след на состоянии нашего здоровья, покорёжили судьбы, навечно оставили отметины, которые до сих пор не проходят, и горечь обиды невозможно притушить. Ни тюрьмы, ни концлагеря, ни спецпоселения, ни лишения гражданских прав на долгие годы не сломали нас, а главное - мы остались людьми чести и достоинства. Шагая в колонне, наверное, каждый из нас думал:

«Не хочется ворошить былое,

Вспоминать свои беды и муки,

Но перед глазами встают лица родные,

Что не стереть годами вечной разлуки».

Мы живём, пока сохраняем память о тех, кто уже не придёт никогда из ада, в который были брошены, не ведая вины, наши близкие. ВОВ унесла миллионы жизней, отданных во имя Родины, но на самые «горячие» участки сражений бросали штрафные роты и батальоны, сформированные в основном из «врагов народа» - искупать свою «вину» кровью. И они искупали, не зная своей вины, погибли за Родину.

В 30-50-е годы в стране происходили события, не уступающие по жестокости и бесчеловечности военным действиям - политика террора и геноцида своего народа. В советских концлагерях и спецпоселениях миллионы подневольных людей-рабов ковали Победу, умирая от непосильного труда, голода и издевательств жестоких охранников.

Миллионы самых умных людей: учёных, конструкторов, технологов, врачей, учителей, деятелей искусств, рабочих, крестьян потеряла страна. Сколько талантливых детей не было рождено, а сколько детей с клеймом «врагов народа» остались сиротами на всю жизнь с ограничением по учёбе и работе, как люди второго сорта.

Шли мы в нескольких шагах от колонны сторонников КПРФ, которые несли огромный портрет Сталина, а мы за ними с транспарантом «ЖЕРТВЫ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ» логично подтверждали его античеловеческую деятельность, вспоминая прожитую жизнь со всеми незабываемыми подробностями, со словами тех, кто пережил ГУЛАГ.

«Счастья, друг, нет, как нет и не видно просвета,
Мы все лжём для себя в утешенье.
Так не лучше ль расчёт - с жизнью кончить свой счёт,
Один миг, и ...навек забвенью».

П.К. Галицкий

«Нет, не скрыть, никогда не скрыть
Этой крови, тобой пролитой.
Нет, палач, никогда не смыть
Пятен с совести неумытой».

Л.А. Барташевич

В колонне шёл В.В. Пшеничный, сын репрессированных родителей, реабилитированных в годы «оттепели». Сам он с 3-х лет оказался в фашистских лагерях в Польше и Германии среди тех, кто своей кровью должен был омолаживать высшее немецкое командование. В 5 лет потерял речь в момент, когда вместе с другими детьми был выставлен в качестве живого щита против продвижения на Берлин советских танков. В 6 лет речь вернулась после стресса в советских концлагерях.

С болью в сердце и со слезами на глазах вспоминает он советские северные концлагеря, куда попал с возвращением на любимую Родину как сын «врагов народа». 20 лет фашистских и советских концлагерей искорёжили всю жизнь человека. Германское правительство повинилось перед ним, предоставив приличную компенсацию за нанесённый вред предыдущей властью - фашистской. В отличие от германской наша существующая родная власть не желает нести ответственность за содеянное зло, не созрело до покаяния перед опешелованными людьми. Одной рукой в 1991 г. предоставила мизерные льготы, объясняя сложностью на тот период в экономике страны, другой рукой, когда улучшилась экономика в стране, с января 2005 г. отняла в основном и мизерные льготы. Какие ещё требуются комментарии?

Воистину дорога к справедливости терниста. Одна надежда - может, проснётся совесть у правителей России, будет стыдно им за проявленное равнодушие, безразличие и безответственное отношение к жертвам политических репрессий со средним возрастом 77 лет.

За нами шла большая колонна общественной организации «Новые люди». Задорные, энергичные, патриотически настроенные молодые люди задавали радостный тон шествию, они проявили сердечное внимание к нашей колонне и несколько раз громко произнесли «Нет, нет и нет политическим репрессиям в России». Выразили интерес и своё сочувствие к нашим судьбам.

Очень хочется надеяться, что новое поколение не только узнает настоящую правду о судьбах репрессированных, но и судьбах их палачей, восстановит поправленную справедливость, позаботится о достойной старости репрессированных так же как участников войны.

И времена очищения настанут,
Горькую прииду, хоть поздно узнают,
Честь восстановят, но жизни - увы...
Ждём покаяния, иль мы не правы?

Реабилитированная Кузнецова Г.С.

Дождётся ли покаяния?

Минуло пятьдесят восемь лет с того времени, как мумию Сталина водрузили в Мавзолей, а потом отправили на кремлёвский погост. Какое количество бед, несчастий принёс «отец народов» нашему многострадальному народу. Возможно, поэтому память об этом кроважном чудовище на долгие времена прочно останется в памяти людей. Удивляет то, что часть живущих в настоящее время людей боготворит сухорукого морального урода.

Начиная с 1954 г. после окончания медицинского института я на своей работе ежегодно командировался в райские места Вятлага. Там я встретил врачей с мировым уровнем в различных направлениях медицины, которые были осуждены как враги народа после смерти писателя М. Горького. Их осудили за то, что они якобы умышленно организовали ремонт его квартиры, чтобы он надыхался парами красок, клея и ещё неизвестно чего для причинения вреда здоровью. Горький страдал заблуждением лёгких. Было предъявлено большое количество нелепых, абсурдных обвинений, чтобы отправить очень квалифицированных врачей в концлагерь за колючую проволоку. Даже таким образом населению внушалось, что кругом «враги народа», и в осечках строительства социализма виноваты только они, а не то, что социализм – это тушкановый вариант, а его прорабы – плохие гармонисты, которым всегда что-то мешает.

Эти врачи были интереснейшие люди, с ними можно было говорить часами на различные темы, отношение ко мне с их стороны было доброжелательным. Когда же разговор возникал о причинах их заключения, собеседники от каких-либо комментариев воздерживались. Неосторожное слово малознакомому человеку в декоративном в то время «свободном обществе» могло стоить очень дорого – расстрел можно было получить без проволок.

Особенно хорошо запомнился врач-рентгенолог, доктор медицинских наук – в то время такая научная степень была очень большой редкостью, фамилию его сейчас не помню. Он показал мне несколько своих монографий по рентгенологии, переведённых на европейские языки. Врачи, пульмонолог и фтизиатр, были менее разговорчивы. С большим удовольствием все они говорили на медицинские темы, мне повезло, что можно было без курсов повышения квалификации набираться знаний от лиц очень высокого уровня. К сожалению, в лагере было очень мало медицинской аппаратуры и медикаментов. В лагере они лечили людей, имеющих отношение к лагерю, в т.ч. всю лагерную администрацию, что позволяло им находиться в менее жестких условиях по сравнению с другими заключёнными, т.е. не работать на лесоповале. Конечно, резко улучшилось у них настроение, когда начался пересмотр дел политзаключённых с последующей их реабилитацией. Во время очередной командировки в 1958 г. я уже не встретил этих уважаемых специалистов.

Они были освобождены и реабилитированы, как незаконно осуждённые.

В Кировскую область я приехал с матерью из Новосибирской области после ареста и расстрела отца в 1937 г. Среднюю школу окончил в Фалёнском районе, вынужден был скрывать, что я «сын врага народа». Хорошо запомнилось несколько случаев сталинского периода. Однажды, возвращаясь из школы через ж/д станцию в Фалёнках в 1944 г. я услышал громкий мужской крик. Мужчина средних лет ругал Сталина и его окружение самыми обидными нецензурными словами. Говорил, что Сталин душегуб, сволочь, убийца, предатель и т.д. Проклинал всё сталинское правительство, похоже было, что чаша терпения переполнилась. Окружающие буквально остолбенели, не веря своим ушам. Кто-то уже бежал в милицию. Прошло 10 – 15 минут. В это время двигался поезд, и мужчина бросился под колёса. Когда приехали «компетентные лица», им достался изуродованный труп.

Второй случай запомнился из практики. В качестве судеэксперта познакомился со следственным материалом, а затем и с подследственным. Мужчина под 50 лет освобожден из мест заключения, отбывал наказание где-то на севере России. Ехал в вагоне из Воркуты, настроение было замечательным, впереди встречи с родными и близкими, ехал в общем вагоне и рассказывал анекдоты, в т.ч. упоминал и «вождя народов». На его беду в вагоне ехали и оперуполномоченные, одетые в гражданскую одежду. Они очень всё внимательно выслушали, а при выходе из вагона в г. Кирове попросили пройти в отделение милиции, где было немедленно заведено дело по 58 статье – распространение слухов, порочащих «вождя». Суд был закрытым, поэтому приговора я не знаю. Как же горько плакал этот взрослый мужчина. В лучшем случае, если его не расстреляли, он снова был отправлен в концлагерь.

Всё чаще меня посещает мысль: сколько среди нас тех, кто выполнял волю бесноватого вождя: арестовывал, врываясь по ночам в квартиры законопослушных граждан, затем конвоировал их в лагерь, охранял и всячески издевался над заключёнными в лагерях, расстреливал замученных людей. Какими душевными качествами обладали перечисленные лица? Мучила ли их совесть? Судьба свела меня с двумя, которые арестовывали и расстреливали. Один из них оказался мужем моей тётки. Со слов родных я узнал, что в школе он был неуспевающим – в каждом классе учился два года. Достигнув совершеннолетия, сразу поступил в НКВД, где прослужил всю жизнь. Был он глупым, умственно отсталым человеком, за всю жизнь не прочитал ни одной книги, но службистом был отменным, до блеска ухаживал за своей формой, португеей и пистолетом. Как-то упомянул, что часто участвует в спецоперациях. Любимым развлечением его была выпивка, а пьяного его всегда тянуло на прогулки. Это была полностью деградировавшая личность. Скажи ему, что его мать – враг народа, не сомневался, расстреляет. О нашей судьбе он ничего не знал. Закончил жизнь из-за приёма спиртного в большом количестве. Второй знакомый многие годы служил в карательных органах, трезвым я его никогда не видел. На мой вопрос, как его рука поднимается стрелять в людей, равнодушно сказал, что он выполняет приказы, которые не обсуждаются. Так как был хвастлив, то добавил, что получает за заслуги перед государством большую пенсию.

Вот так мы жили и возникает самый важный вопрос: какие люди стояли во главе государства? Вопрос этот интересовал многих исследователей, много времени этому посвятил известный немецкий учёный Эрик Фромм. Он изучал социальную психологию. По национальности был еврей, жил в Германии. На его

глазах Гитлер боролся за власть в Германии, сам же Гитлер родился в Австрии. Эрик Фромм занимался изучением становления диктаторов и формированием диктаторских режимов. В двадцатом столетии особенно прославились фашистские диктатуры в Германии во главе с Гитлером, в СССР (по мнению академика Павлова, до октябрьского переворота фашизма в мире не было) – со Сталиным, в Италии – с Муссолини, в Испании – с Франко, в Чили – с Пиночетом. Эрик Фромм подробно останавливается на психологии Гитлера и Сталина. Оба были малообразованными людьми. Гитлер в юности пытался что-то рисовать, занимался продажей различных поделок, имел феноменальную память, наиболее преуспел в демагогии и стремлении к власти. Сталин сочинял стихи, также обладал феноменальной памятью и всем остальным, как у Гитлера. Эрик Фромм в 1933 г. безмерно охарактеризовал, как негетеросексуального садиста. Он писал, что Иосиф Сталин – настоящее пособие для изучения негетеросексуального садизма, как психического, так и физического. Сталин первым приказал после октябрьского переворота применять пытки к политзаключённым. Эту меру категорически отвергали русские революционеры. Сталин, не колеблясь, её ввёл. При Сталине методы НКВД своей изощрённостью и жестокостью намного превзошли все изобретения царской полиции. Иногда он сам давал указания, какой вид пыток следует применить. Его личным оружием был главным образом психологический садизм. Вот несколько известных примеров. Особенно Сталин любил такой приём: он давал своей жертве заверения, что ей ничего не грозит, а затем через один или два дня приказывал этого человека арестовать. Конечно, арест для несчастного был тяжелее тем, что после заверений «вождя» человек обнадёживался, успокаивался, чувствовал себя увереннее и в безопасности. Сталин находил садистское удовольствие в том, что в тот момент, когда он заверял свою жертву в своей благосклонности, уже совершенно точно знал, какие пытки и муки он ей уготовил. Можно ли представить себе более полное господство над другим человеком? Сам господь Бог. Вот несколько примеров из книги Роя Медведева: незадолго до ареста героя Гражданской войны Д.Ф. Сердича, Сталин произнёс на приёме тост в его честь и предложил выпить с ним на брудершafft и заверил его в своих братских чувствах. Вскоре последовал арест и расстрел. За несколько дней до убийства Блюхера Сталин на собрании говорил о нём в самых сердечных тонах. Принимая армянскую делегацию, он осведомился о местонахождении и самочувствии поэта Черенца и заверил, что с ним ничего не случится, однако через несколько месяцев Черенец был убит выстрелом из-за угла. У Сталина были настоящие змеиные повадки, он терпеливо выжидал, чтобы назначенной жертве нанести смертельный укус, к нему лучше подходила бы кличка Кобра, а не Коба.

Знаменитый историк и публицист Ю. Стеков был в таком смятении от многочисленных необъяснимых арестов, что записался на приём к Сталину. «С удовольствием приму Вас, – сказал Сталин. Как только Стеков вошёл, Сталин его успокоил: «О чём Вы беспокоитесь? Партия знает Вас и доверяет Вам. Вам нечего бояться». Стеков вернулся домой к своим родным и друзьям, в тот же вечер его арестовали. Само собой, первая мысль его друзей была обратиться к Сталину, который, по-видимому, не знает, что делается в стране, за его спиной.

Такая расхожая сказка имела место в стране. Было намного легче верить в то, а в не то, что Сталин был изощрённым злодеем. Или ещё пример: в 1938 г. И.А. Акулов, бывший прокурор, а позднее секретарь ЦК ВКП(б) упал, катаясь на коньках, и получил опасное для жизни сотрясение мозга. Сталин позаботился, чтобы привлечь выдающихся иностранных хирургов, которые спасли ему жизнь. Акулов после продолжительной тяжёлой болезни вернулся к работе и вскоре был арестован и расстрелян.

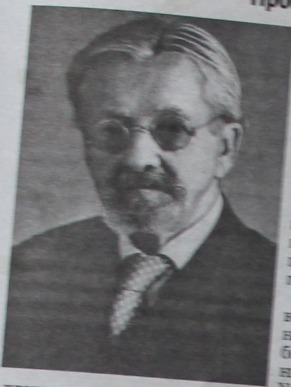
В настоящее время не остаётся сомнений в том, что Сталин был выраженным садистом. Возникает вопрос: как формируется садист, какие условия способствуют этому, какие факторы приводят к развитию садизма? Эрик Фромм пишет: однозначного ответа на эти вопросы нет. Но в первую очередь большое значение имеют задатки, предпосылки, особенности характера. Второй момент – окружающая среда, которая способствует формированию садиста. Бесконтрольность со стороны общества, вседозволенность, распухнутость, безграничная власть одной личности превращают садиста в преступника. Для него не существует закона, не существуют какие-то правовые, моральные, этические нормы и правила. Наряду с этим вырабатывается беспредельный эгоизм, страх и тревога личного плана. Недаром Сталин, трусливый по характеру, лично сам определял на каждую ночь одну из своих дач, где будет ночевать, в какой из машин кавалькады он отправится, провалившись в своей «мудрой» оценке – ненападении Германии, трусливо ждал, что его арестуют, и не принимал никаких действий. Не доверял никому из врачей, предпочитал самолечение. Удовлетворяя свои садистские наклонности, он не только истреблял население России, но и, несмотря на покорность и раболепие своего окружения, планомерно уничтожал и обновлял его. Даже верный ему всю жизнь Молотов в книге воспоминаний пишет о том, что в 1952 – 1953 г. со дня на день ожидал ареста и расстрела. Так изменилось к нему отношение Сталина. Также же настроение преобладало среди других приближённых Сталина. И не это ли в конечном счёте послужило причиной отправки «отца народов» на тот «свет» – так никого из врачей к нему длительное время не допускали.

Не повезло нашему поколению, подлый режим всячески проверял на нас свои инквизиторские приёмы. Гитлер и Сталин ушли из жизни так, как заслужили. И того и другого многие народы проклинают как отъявленных палачей. Руководство страны принесло виновности полякам за мерзость, проведенную чекистами в Катynie, а перед своим народом покаяться за репрессии ещё, видимо, не дошла очередь, да и народ в России особый, терпеливый.

Видимо сталинский постулат: нет человека – нет проблем, актуален и живуч в настоящее время и является определяющим в отношении жертв политических репрессий. Шестнадцатое письмо – обращение в высшую государственную жертвам политических репрессий незаконно отнятых прав на льготы, в очередной раз осталось без внимания.

Саламатов Л.Ф., реабилитированный, январь 2011 г..

Профессор Танаевский

Среди подтвержденных репрессиям преподавателей Кировского педагогического института весьма крупной фигурой был профессор Валентин Алексеевич Танаевский - один из создателей советской экономической географии.

В.А. Танаевский родился 19 августа 1886 г. в с. Сырваны Слободского уезда Вятской губернии. Окончил Вятскую мужскую гимназию, а затем юридический факультет Казанского университета, он учится в Киеве, где учится в аспирантуре.

В 1920 г. В.А. Танаевский возвращается в Вятку и в течение 17 лет работает в Вятском (Кировском) педагогическом институте, занимая должности преподавателя, декана географического факультета.

Помимо работы в институте Валентин Алексеевич возглавлял сектор местной экономики при Вятском научно-исследовательском институте краеведения, был одним из создателей и длительное время главным редактором журнала «Вятско-Веплюжский край». Ученый был членом губернской, краевой, областной

плановых комиссий и разрабатывал вопросы транспортного хозяйства.

Но в 1937 г. по институту прокатилась волна репрессий, был арестован директор института М. Елсунов, аспирант Танаевский, обвиненный в троцкизме. На заседании всех своих в конце порочных, чуждых и враждебных марксизму и ленинизму, что он «держится делу социалистического строительства конвейером» и борется против проводимой партией политики построения бесклассового социалистического общества». В итоге Танаевский был уволен из института и вынужден был уехать из Кирова. Так наш город потерял крупнейшего ученого.

Профессор переселился в Душанбе, где работал в педагогическом институте. За плодотворную научную и педагогическую деятельность Танаевский в 1946 г. был удостоен звания Заслуженного деятеля науки Таджикской ССР. В 1949 г. ученый переехал на Урал, где встал во главе кафедры экономической географии Уральского университета. В 1955 г. Танаевский переводит в Пермь руководить кафедрой экономической географии. Всего под научным руководством Танаевского было выполнено более 50 кандидатских диссертаций по экономической географии, а им самим опубликовано свыше 80 монографий и статей.

Валентин Алексеевич Танаевский скончался 17 января 1969 г. на 83-м году жизни.

Екатерина Горбушина,
зав. музеем истории ВятГУ

Российские немцы в Вятлаге

Великая Отечественная война - это время тяжелых испытаний всего населения нашей страны. Но 1941 год - это и начало трагедии целого народа Советского Союза - российских немцев. Еще при Екатерине II их предки приехали в Россию, ставшую для России - немцев Поволжья. В 1918 году создана была первая автономная республика Советской России - немцев Поволжья. 1941 год для всех российских немцев стал ударом по личной судьбе. Даже в труднейших условиях войны сталинский режим продолжал политику насилия над собственным народом.

Прологом трагедии послужил известный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». За ним последовала целая серия такого же рода «актов», круто, с бесцеремонной и совершенно немотивированной жестокостью преломивших судьбу почти полумиллионного немецкого населения, проживавшего в течение без малого двух столетий в самых различных регионах страны - от Прибалтики до Дальнего Востока, от Мурманска до Ашхабада...

На севере Кировской области располагался один из 10 лесных лагерей ГУЛАГа - Вятлаг НКВД СССР. В лагерьном архиве отложились документы о горестной судьбе российских немцев в военные годы. Первый «немцевый этап» пришел в Вятлаг 20 октября 1941 года - с ним были доставлены из Вордильновградской тюрьмы (Украина, нынешний город Луганск) несколько сот «чужих немцев национальной чуждости» (в основном - рядовых шахтеров и колхозников), репрессированных в начале сентября того же 41-го года во внесудебном порядке за «контрреволюционную деятельность» и получивших в «око» статус «подследственных». «Суд» оказался на удивление «нескорым» - приговоры последовали только через год. Но многие (более половины) из «дуганских этапников-немцев» этого «не дожидались» - погибли от голода, холода и болезней в страшную зиму 1941-1942 годов...

В соответствии с упомянутым Указом ПВС СССР в сентябре 1941 года было ликвидировано «под ярмом» национальное административно-территориальное образование - АССР немцев Поволжья, где компактно проживало около четверти всей внутрисоветской немецкой общины. Двести тысяч немецких семей в самые сжатые сроки (за считанные сутки) вынуждены были принудительно выселены в отдаленные и малообжитые районы Западной Сибири и Казахстана. Вскоре к ним «присоединились» соплеменники из других мест Поволжья - там, Башкирия, Украина и т.д.).

Каждый из нас знает, что в начале 1942 года «флоренцы» ГУЛАГовскими «приселенцами» стали и восточная половина «рабочей силы». И тогда на самом страшном этапе их обвинений «контрреволюционности», привалил через военкоматы в лагеря «арестантов» - и пошла «фурка» (для за знания) в лесные лагеря, в том числе и в Вятлаг...

Как все это происходило в реальности? Водержавшись от комментариев и обратившись к документальным свидетельствам той поры...

В адресованном 26 сентября 1942 года Центру спецоперации начальника УНКВД по Кировской области капитана госбезопасности Шустина сообщается: «...По информации начальника оперчастиского отдела Вятлага НКВД известно, что в начале февраля 1942 года из Барнаула и Красноярска в распоряжение Вятлага будут поступать фронтальные колонны из немцев в количестве 7.000 человек. Лагерь для приема указанного количества немцев не подготовлен. Помещение для размещения колонн в лагере имеется, но совершенно нет постоянной принадлежности, обустройства и не имеется никаких запасов продуктов питания. Насчитать все это на месте возможности нет... Руководству Вятлага совершенно неизвестен режим содержания немцев, охраны и трудового использования...» [2].

Как видим, к приему «трудоблизованных» в Вятлаге, можно говоря, «не были готовы». Кроме того, зимой 1942 года - это время самого жестокого голода в истории лагеря, когда, по некоторым данным, погибло более трети находившихся здесь заключенных. И вот изурнавшие голодом, почти месячной продовольственной голодом ивеем приближенные немцы оказываются в полковники «спальных отов», для которых в местах их «труд-

«сплозванием» не имеется ни сколько-нибудь «подходящего жилья, ни продовольствия, ни одежды...»

Распыхачным и неясным (вплоть до конца войны) оставалось и правовое положение «трудоблизованных»: их нельзя было считать как заключенными, а фактически «принижен», ни базисе-либо другие «уполномоченные» органы не рассматривали их «дела», не представляли обвинений и т.д., да для этого попросту не существовало юридических оснований. Вся «правовая база» для изоляции и принудительного «трудоспользования» этих людей основывалась на нескольких параноидально-волеаристских «трудоспользования» становлениях, априори (по единственному критерию - принадлежности к немецкой национальности), обвинивших целый народ в «предательстве» и «немецкой изменчивости». По сути, это был вопиющий факт геноцида - и, как известно, далеко не единственный в советской истории...

После недолгих колебаний в ГУЛАГе выбрали по отношению к «контингенту немцев» самое «простое» решение: формально не считать их заключенными, а фактически «принижен» (по организации режима и внутреннего распорядка) к остальному лагерно-условиям содержания, жизни, быта, работы - было даже значительно хуже, чем у заключенных. Это отчетливо прослеживается по более высоким, чем в среднем по лагерю, статистическим показателям смертности и заболеваемости, а также численности инвалидов среди «трудоблизованных» в Вятском ИТЛ периода 1942-1945 годов.

В вятлагском архиве тоненькие серо-голубые «папки» с личными делами умерших немцев «трудармейцев» (ихх около двух тысяч) размещены на отдельном, самом удаленном стеллаже. В подавляющем большинстве таких «дел» - лишь несколько страничек. Как акты о смерти и погребении - и все...

Между тем, по данным политотдела Вятлага (отнюдь не исчерпывающим), с февраля 1942-го по 1 июля 1944 года в лагерь «поступили» 8.207 немцев «трудармейцев». За это время убили 5.285 человека, в том числе: умерли - 1.428, осуждены - 365, этакированы - 1.581, бежали - 7, находятся в «спячке» (для лечения или по семейным обстоятельствам) - 1.079 человек. Из общего числа немцев (3.891 размещены на 1 января 1944 года): мужчины - 2.944, женщины - 947. Основная часть «трудоблизованных» содержалась компактно, большими группами: на 1-м лагпункте 6-го ОЛПа - 1.167 человек (самый значительный состав № 2, а также на 12-м и 14-м ЛЗО. На 1 июля 1944 года численность немцев в лагере сократилась до 2.924 человек (без учета «отпускников»). Состояние здоровья подавляющей основной массы поряжена такими болезнями, как воспаление легких, туберкулез, алиментарная дистрофия...

У многих из этих ни в чем не повинных перед своей истинной Родиной людей при выселении из отчужденных мест, многотысячноломом этакированы, принудительной и близкие (глубокие старинные-родители, малолетние дети и инвалиды, которые по возрасту или состоянию здоровья не могли быть использованы на тяжелых лагерных работах) остались в Сибири и Казахстане - причем нередко без всяких средств к существованию, не имея специальных, не владеет в достаточной степени русским языком... Немец без волнения читать многочисленные слезные письма (как своих вятлагских немцев, так и их сибирско-казахстанско родственников) с просьбами, ходатайствами, унижениями, умоляющими о разрешении вернуться к своим родителям, супругам, детям, «воссоединиться» или хотя бы «свидетельствовать» с ними...

Приведем (из множества подобных) один такой человеческий документ: заявление вятлагского медфельдшера Александра Карловича Шефера, где кратко изложена трагическая история «чужих крестный» - лишь одной рядовой немецкой семьи.

Вчитаемся в эти строки (документ № 34 приводится по оригиналу, без каких-либо исправлений):

Депутату Президиума Верховного Совета - Прокурору СССР тов. Горошенину
от мобилизованного Шефера Александра Карловича

Заявление.
Прошу Вашего распоряжения о демобилизации мне к семье в Красноярский край, Идринский р-н.

Я родился в 1923 г. в село Беттинтер, Саратовская область, по национальности - немец.

Родители были колхозники. Окончил семилетку в селе. Потом поступил в Маршгатадский техникум. В 1941 г. окончил техникум. В этом же году всех немцев выселили по указу Верховного Совета. Мы попали в Красноярский край, семья в составе: отец, мать и я сестра. Брат был в действующей армии под Смоленском. Потом демобилизованы в трудовую - Вятлаг МБД, где я работал медфельдшером. В июне 1942 г. я и отец были мобилизованы в трудовую - Вятлаг МБД, где я работал медфельдшером. В июне 1945 г. отец демобилизовался по возрасту (55 лет) и болезни. Приехал он к семье в Красноярский край и через два месяца умер. Я работал в Вятлаге до июня 1946 г. Потом меня направили в совхоз № 4 Вятлага МБД, который находится в 300 км от Вятлага, ст. Фелениа Кировской области, в качестве начальника санчасти, где я и работаю в настоящее время. Дома у меня остались мать и сестра. Мать сейчас тяжело больная - болен туберкулезом легких и ей 54 года. Сестра - инвалид (паралич ноги). Обе не работоспособны и нуждаются в физической и материальной помощи, а мне отсюда им помочь нет возможности. В том, что это действительно так, приложу копии справок, полученных мною от матери.

Поэтому я очень прошу Ваше вмешательство отпустить меня к семье для помощи, они меня воспитают, а я им помочь не могу. Уже шестой год от них. Прошу в моей просьбе не отказать.

Адрес мой: Кировская обл. станция Фелениа, совхоз № 4 Вятлага МБД Шефер Александр Карлович, 25/П 47.

Судя по всему, на свое заявление Александр Карлович полковничьего ответа не получил: был оставлен на спецпоселении в Вятлаге, работал медфельдшером на 2-м ОЛПе (поселок Сорда), «освобожден» (снят с учета спецпоселения) на «общих основаниях» - в 1965 году, без права выезда к прежнему (до выселения) месту жительства... [3].

Надо сказать, что после войны правовое положение немцев в лагерях стало более определенным: их официально перевели в категорию «спецпоселенцев», передали в ведение так называемых «спецкомендатур», находившихся в подчинении территориальных управленческих структур МВД. Но и в это время (вплоть до конца 1955 года) этнические немцы в основной массе оставались юридически «неполноценными» гражданами родной страны, существенно ограниченными в своих личных и политических правах. Высшей и непереходимой властью для них являлся местный «комендант УМВД», который вел учет и спецпоселенцев, своевременно регистрировал («отмечал») их при обязательной личной явке к нему, давал (при удостоверенной необходимости) разрешение на выезд «за пределы территории поселения», творил «суд и расправу» - «зарал и молчал»...

Кстати говоря, неподалеку от Вятлага в ту пору находились на территории бывшего Кайского района еще несколько «спецпоселенцев»: в селе Окомерово, где жили бывшие «раскулаченные», в поселке Рудничном, куда были «привезены» татары, немцы, «фаскулаченные» в разные места и в центральные районы страны. Немало было в этих местах и сосыльных.

Особая (и пока совершенно закрытая для исследования - по причине «таинственного»

исчезновения документов) тема - военнопленные в Вятлаге. Между тем здесь их содержало (по данным на 1 марта 1947 года, то есть накануне «перевода» в другие, еще более «отдаленные места») всего 1.841 человек, в том числе немцев - 1.393, румын - 222, венгров - 142, австрийцев - 64. На четырех вятлаговских таежных постогах (по сведениям международной организации «Военные мемориалы») захоронены 809 военнопленных, из них граждан Германии - 544, Румынии - 114, Венгрии - 97, Австрии - 39, Италии - 15... (4).

Но вернемся к повествованию о судьбе немцев в Вятлаге. Советскую действительность можно понять, лишь применяя к ней категории оруэлловских антиутопий. Одним из подтверждений тому может служить хотя бы следующий факт: среди интернированных отечественных немцев сохранились и активно действовали партийная и комсомольская организации (I). «Благодаря» этому, за 1942 год парторганизация Вятлага количественно выросла в 2,5 раза: на 1 января на учете в политотделе Вятского ИГЛ состояли 122 члена ВКП(б) и 113 кандидатов, а во вновь прибывших в начале 1942 года «немецких» эшелонах «оказалось» 228 членов партии и 110 кандидатов. Впрочем, прием лиц немецкой национальности в кандидаты, а также из кандидатов в члены партии был (по указанию «сверху») в годы войны прекращен, поэтому все немцы-кандидаты в «партии» имели к 1943 году просроченный «испытательный» стаж. Не наблюдалось и «роста партийной прослойки» среди «трудоармейцев». Некоторые из немцев-коммунистов пытались скрыть свою партийную принадлежность, не вставали на учет в Вятлаге, прятали партийные и учетные карточки. Но с мест прежнего пребывания поступала «соответствующая информация» в парткомиссию политотдела - и тогда следовала тягостная процедура «партийного разбирательства». На 1 января 1944 года среди 446 комсомольцев Вятлага - 182 «лучших» представителя немецкой молодежи. Из 16 первичных комсомольских организаций лагеря - 4 состоят только из молодых немцев - «трудоармейцев».

Разумеется, политотдел «развертывает» среди «трудооблизованных» привычно-формальную «партилотработку»: регулярно проводятся партийные и комсомольские собрания, заседания бюро и комитетов, где «сleitим позором» отстоящих и хвалят передовиков производства, изучают «исторические речи и труды товарища Сталина» и «героическую жизнь Зои Космодемьянской», принимают «повышенные сообразительности», исключают из партии и комсомола за «аморальное поведение» и «контрреволюционные настроения». Кстати, протоколы многих партсобраний сохранились в архиве политотдела Вятлага.

В октябре 1942 года «в целях проведения массовой культработы среди мобилизованных трудармейцев и поднятия производительности» приказом начальника Управления 10 наиболее «благонадежных» немцев-партийцев назначены «инструкторами по политработе» на 8-м, 9-м, 12-м, 13-м и 14-м ЛЗО с окладом по 400 рублей в месяц каждому.

Следует подчеркнуть, что и без всей этой «идеологической обработки» в подавляющем большинстве своем немцы - «трудоармейцы» (естественно, те из них, кто физически был способен трудиться, у кого еще оставались на это силы) работали не за страх, а за совесть. И очень многие после освобождения получили возможность профессионального роста, заслуженного восхождения по ступеням служебной лестницы в Вятлаге.

Большим уважением, например, пользовался в лагере Александр Адамович Киснер - начальник железнодорожного отделения, кандидат технических наук, блестящий профессионал и умелый организатор.

Длительное время успешно руководил отделом главного механика Управления Михаил Тевлевич Вуль.

А музыкального руководителя Дома культуры поселка Лесного Константина Андреевича Кунстмана и его супругу Дору Андреевну Кунстман хорошо помнит не одно поколение местных жителей.

Вместе с тем лагерные условия жизни, быта, производства разлагающе действовали и на определенную часть немцев. Среди них формировалась прослойка «лытотников»: мастера, бригадиры, партактивисты. Именно среди этих лиц чаще всего наблюдались проявления противоправного и безнравственного поведения, бесчеловечного отношения к своим товарищам по несчастью.

За 1946 год из партии исключены 23 немца - «спецпоселенца»: часть из них - за «антисоветскую агитацию» (гермин весьма «распльивчатый», под который можно было «подогнать» любой откровенный разговор о тогдашней реальной жизни), часть - за утерю партдокументов, а некоторые за действительно серьезные проступки: хищение продуктов, «очковитательство» (приписки невыполненных работ).

Так, в ноябре 1946 года из партии исключен Д.Ф.Финк, который (здесь и далее мы цитируем материалы парткомиссии политотдела Вятлага) «работая бригадиром-десятиником, затем мастером 12 ЛЗО, в течение 2 лет использовал свое служебное положение в личных корыстных целях: брал у трудармейцев деньги, продукты, обещая им за это легкую работу, запугивая их тем, что, если они не будут выполнять его требования, он переведет их в лесоповальную бригаду, заставлял трудармейцев готовить себе обед, чистить его одежду и обувь. Избивал трудармейцев, если они его осуждали». Кроме того, Финк, имея в Красноярском крае жену и детей, никакой помощи жене не оказывал, вел себя недостойно в быту. Когда же этого негодия исключили из партии, он «запугивал трудармейцев, заставлял их писать в парткомиссию письма, опровергающие факты обвинения и сам лично написал заявление такого содержания от имени одного из членов партии...» (5).

Отметим: ничего «экстраординарного» в данном конкретном случае нет: такова «норма поведения» бригадира в «зоне», и Финк просто «хорошо вписался» в существующую поведенческую модель для лиц его «лагерного ранга».

В конце 1943 года из партии исключили двух немцев-бригадиров за то, что они «систематически занимались притивной непроизводительной работ, в результате чего при инвентаризации по этой подкомандировке оказалась недостача древесины около 27 тысяч фемстметров...» Хотя все знали, что без приписок в то голодное время изурнанным лагерникам и «трудоармейцам» «вытянуть норму» на производстве было физически невозможно. Но для «аряды туфты» необходимыми специфический опыт и умение прятать концы в воду, а такими «навыками» эти двое, очевидно, овладеть не смогли.

Впрочем, основная масса полученных «трудоармейцами» партвысказаний следует за «прегрешениями» обычными и по лагерным стандартам просто заурядными.

Так, Карлу Генриховичу Аригольду (1907 года рождения) вынесен выговор за то, что он «ничего ушел с работы и скрывался в колхозе». «Обвиняемый» пояснил, что он «был болен, но врач его от работы не освободил» (добавим: онный «чауз» имел место в мае 1942 года, в период повальных болезней и дистрофии в лагере, а недугуному «партийцу Аригольду» инкриминировалось наряду с прочим еще и то, что он «нормы выполняет лишь на 20-25 процентов»).

«За спекуляцию хлебом» исключен из «кандидатов ВКП(б)» Эвальд Эмильевич Пенно. Допущенный им «криминал» состоял в том, что он «продал одну пайку хлеба весом 1 килограмм 50 грамм за 100 тысяч рублей». Сам Пенно «это подтверждает и просит оставить его в рядах партии». Просьбу, как видим, оставили без удовлетворения.

Непростой вопрос - отношение этнических немцев к нацистскому нашествию, к ходу военных действий на советско-германском фронте. Вполне вероятно, что некоторые из «трудоармейцев» (как и определенная часть заключенных) видели в победе Германии возможность своего освобождения от унижительного лагерного состояния. Даже в 1944-1945 годах имелись случаи исключения из партии нескольких «трудооблизованных» за «пораженческую антисоветскую агитацию», за «саботажи» и «призывы плохо работать».

Но есть все основания полагать, что далее разговоров (обычных по тому времени) дело все-таки не шло. А учитывая крайне тяжелое положение этих людей, можно лишь удивляться тому (документально удостоверенному) обстоятельству, что их «отсев» из «партийных рядов» был столь незначителен: за три года (1942-й - начало 1945-го) из партии исключены 49 немцев (32 члена ВКП(б) и 17 кандидатов). Несмотря на все перенесенные страдания и унижения, доверие «советских немцев» к своей «социалистической Родине» полностью не истощилось. Однако лагерные чекисты и их агенты «не дремали», ухитряясь «сплести дело» из самого заурядного «бытового трепа».

4 марта 1945 года начальник политотдела Вятлага старший лейтенант госбезопасности Суворов на III партконференции лагеря возлагал: «Среди партийных организаций мобилизованных трудармейцев немцев вскрыта контрреволюционная фашистская организация, которая ставила своей целью распространение клеветнических лживых сведений на жизнь нашей страны. Конечно же, и сам Суворов, и большинство тех, кто ему внимал, знали и понимали, что все это не более чем трескучая демагогия, пустая болтовня, предназначенная для ушей вышестоящего гулаговского начальства - в качестве «весомого доказательства» «неуспешного бдения» вятлаговских чекистов и руководства Управления лагерем.

Действительно достоверным можно признать лишь один-единственный случай активного целенаправленного «антисоветского» противодействия, да и он явился чисто индивидуальным актом: член ВКП(б) Ромких, заведующий инструментальной мастерской 13-го ОЛПА, систематически сознательно производил порчу лучковых пил, делая это «незаконно» посредством сжигания их (пил) в печи хлебопекарни, после чего пилы были очень мягкие и на производстве быстро тупели... Таким «методом» Ромких испортил около 200 «лучков», а в результате «лесорубы не выполняли производственные задания...» Но, повторим, это был единственный и уникальный в своем роде факт среди всей много-тысячной массы отечественных немцев, прошедших за годы войны через вятлаговские лагеря...

По всей видимости, не существовало «национальных проблем» и во взаимоотношениях «трудооблизованных» немцев с другими лагерниками. Условия сосуществования - жизни, быта, труда - «сплавливали», «синтезировали» разнородную и «разношерстную» (по многим параметрам - национальным, социальным, интеллектуальным) «рабсилу» ГУЛАГа в единую человеческую массу - людское лагерное сообщество. Вполне естественно полагать, что в нем проявлялись и настоящая мужская дружба, и любовь... Но эти самые чистые и нормальные человеческие проявления очень часто наталкивались на жестоко антигуманную реальность сталинских лагерей.

Так, 11 июля 1944 года на очередном комсомольском собрании немков (подкомандировка «Юрта») с юношеским максимализмом обсуждалось «персональное дело члена ВЛКСМ Эйрих Эльзы Карловны, 1917 года рождения, служащей, немки, с неполным средним образованием...» Секретарь доложил собранию, что «товарищ Эйрих, как всем известно, нарушила комсомольскую дисциплину в связи с тем, что она имела сожитель-ство с заключенным Ивановым Иваном Александровичем, осужденным по статье 58-10 (за «антисоветскую агитацию» - В.Б.). Несмотря на неоднократные предупреждения, товарищ Эйрих продолжает сожительство. Таким людям нет места в рядах ВЛКСМ...» По гулаговским «уставам», интимная связь комсомолки с заключенным - вещь совершенно недопустимая, а сожительство с «контрреволюционером» - предосудительно двойное, поскольку такое «дело» приобретает уже «политическую окраску». Впрочем, сама «обвиняемая» ничего и не отрицала, никак не защищалась, но и в «грехе» своем не раскалялась, а поему была «благополучно» исключена из «рядов ленинского комсомола»... (6).

После «освобождения» («снятия с учета спецпоселения») в 1955-1956 годах многие немцы вынуждены «осели» в вятлаговских таежных пристанищах (возвращаться им было некуда - путь на «малую родину» перекрыл тот же самый «освободительный» Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года).

Наиболее многочисленная «немецкая колония» образовалась в поселке Созимском. Здесь прежние «трудоармейцы» работали (уже в качестве вольнонаемных) в основном на железной дороге и на Кайском целлюлозном заводе (бывшей «особой строение НКВД N 4»). И совсем не случайно ту часть поселка, в которой они обосновались (по-немецки обстоятельно, доброту, умеренно и адекватно), называли «Малым Берлином»...

Итак, лишь в 1956 году с немцев свили ограничения в свободном передвижении (в границах страны), но паспорта им выдали еще позже, и только в 1972 году «милоостиво» разрешили вернуться на жительство в родные места, откуда они были с бесцеремонной жестокостью высланы в военные годы.

Достоверная история отечественных немцев - этнической общины, целого народа, безжалостно раскиданного по лагерям, диким степям, безбрежной тундре и глухим таежным лесам, еще не написана. Права (в полном их объеме) и государственность этнических немцев не восстановлены до сих пор...

Примечания:

1. Архив Учреждения К-231 (пос. Лесной Кировской обл.), Фонд личных дел мобилизованных немцев и общая картотека.
2. Бердинских В.А. Вятлаг. Киров, 1998. С. 144-145.
3. Архив Учреждения К-231. Д. 785.
4. Веремьев В.И. Иностранцы в Вятлаге /Из истории российских спецслужб. Киров, 2004/.
5. Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Фонд политотдела Вятского ИГЛ МВД СССР. Ф. 5991.
6. Бердинских В.А. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России. М.: ИЛО, 2005.

Профессор ВятГУ,
доктор исторических наук В.А. Бердинских

Читайте в газете «Наш Город» новости - важную и полезную информацию для жителей и гостей областного центра. Информацию о деятельности городской Думы и администрации города Кирова (постановления, решения, встречи с жителями города). Публикуются точки зрения работников местных органов самоуправления муниципального образования «Город Киров» на различные вопросы. Комментарии из первых уст, а также информацию о проводимых торгах и муниципальных заказах МО «Город Киров» (конкурсах, котировках, аукционах).

Уникальная система бесплатного распространения:

Адресная рассылка по 6000 адресам организаций, предприятий и учреждений города Кирова, органам местной власти.

150 газетных стоков в наиболее проходимых и посещаемых местах города Кирова (сетевые продуктовые магазины, отделения банка «Хлынов», проходные заводы и предприятия, больницы, поликлиники, торговые и офисные центры, государственные и муниципальные учреждения, административные здания, налоговые, паспортные столы).

Также можно оформить договоры подписки с доставкой на дом.

Телефоны редакции: (8332) 644-196, (8332) 644-197.